
PHILO-SOPHIA

ARTHUR SCHOPENHAUER

**DIE WELT
ALS WILLE
UND VORSTELLUNG**

АРТУР ШОПЕНГАУЭР

**МИР
КАК ВОЛЯ
И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ**

**РИПОЛ
КЛАССИК**

УДК 122/129
ББК 87.3
Ш79

*Перевод с немецкого Ю. Айхенвальда
Вступительная статья А. Маркова*

Шопенгауэр, А.

Ш79 Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр ; [пер. с нем. Ю. Айхенвальда; вступит. ст. А. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик. — 616 с. — (PHILO-SOPHIA).

ISBN 978-5-519-64187-6

«Мир как воля и представление» Артура Шопенгауэра (1788–1860) — самый яркий и доступный философский трактат XIX века, повлиявший на развитие искусства и становление множества новых дисциплин, от психоанализа до изучения виртуальной реальности. Шопенгауэр доказывает, что если в нашем мире господствует причинность, то единственная свобода — свобода образного мышления. Язвительный пессимизм сочетается в трудах Шопенгауэра с поэтической наблюдательностью и новым пониманием достоинства человека.

Данное издание дополнено вступительной статьей профессора РГГУ и ВлГУ Александра Маркова.

УДК 122/129
ББК 87.3

ISBN 978-5-519-64187-6

© Марков А. В., вступительная
статья, 2018
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ЗАЧЕМ ИЗУЧАТЬ ВЕСЬ МИР ВООБЩЕ, ИЛИ ПЯТЬДЕСЯТ ОТТЕНКОВ ФИЛОСОФСКОГО ГЕРОИЗМА

Ни одна философская книга не воспринималась так неоднозначно, как трактат Артура Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (1819). Обычно считается, что философские книги в чем-то похожи на их авторов: благородного 978-5-386-10433-7 Платона, скромного Канта или трудолюбивого Гегеля. Но к книге Шопенгауэра читатели сначала не знали как подступиться: афористический возвышенный язык, легкая походка поэта в каждом слове, и тут же взрывы брани и почти фельетонная хлесткость. Последовательный идеализм, медленное и упорное созерцание высших сущностей, и рядом же почти механический материализм, выводящий мироздание из устройства глаза или мозга. Кипящее остроумие на всех языках и небывалая прозрачность слога, и в этой же прозрачности непривычное употребление слов, на что жаловался при чтении этой книги Гёте, что философская «воля» слишком не похожа на нашу бытовую «волю», и что нужно отдельно учить ключевые термины Шопенгауэра, чтобы его понять. Беллетристическая увлекательность, возможность начать с любого места и вскоре уже разобраться в основной мысли книги, и одновременно требование автора перечитывать книгу полностью и много раз — что же у нас в сухом остатке?

Шопенгауэр как никто другой опередил свое время и обогатил гуманитарную науку XX в. важнейшими понятиями, такими как «бессознательное» в психоанализе или «репрезентация» (английский перевод слова «представление» из заглавия труда) в художественной критике современного искусства. Шопенгауэр первым исследовал структуру бессознательного, перестав определять его просто как отсутствие сознания, и впервые сопоставил сценарии сновидения со сценариями нашего реального существования. Он же оказался первым пропагандистом буддизма в Европе, придавшим буддизму расхожий смысл «опытно известный мир — иллюзия».

Шопенгауэра чтит Людвиг Витгенштейн, за то, что сознание у него перестало быть готовой вещью, а стало моделироваться; его любили Лев Толстой и Томас Манн (считавший, что его книга, будучи раз прочитана в юности, впечатляет на всю жизнь), Борхес и Беккет, сюрреалисты и абсурдисты, кубисты и абстрактные экспрессионисты, увидевшие в нём критика потребительского отношения к явлениям — ведь сам человек для Шопенгауэра это лишь один из моментов мировой воли, хотя и способный со стороны посмотреть на происходящее и тем самым явить свой «гений». Глубочайший «абстракционизм» Шопенгауэра: умение отвлечься от вещей и привычных порядков отношений с ними — ключ к искусству и философии XX века. Даже те мыслители XX столетия, которые не любили Шопенгауэра за его излишнюю эмоциональность, например, Хайдеггер, не могли пройти мимо тем, введенных им в философию — таких как восточный буддистско-даосский тип созерцания, значение повседневного опыта и повседневного языка для определения границ философии, и главное, внимание к «миру», а не к «бытию» — и так книга, выпущенная крохотным тиражом в 1819 г., стала общим достоянием мирового XX века.

Если говорить о жанре книги, то ее можно назвать «фанфиком» на темы Платона и Канта, можно сказать, философским соответствием «Гарри Поттеру» Дж. Роулинг или «Пятидесяти оттенкам» Э. Леонард-Джеймс. У Платона Шопенгауэр взял учение об идеях как истинной глубине мира, у Канта — различие разума и рассудка. Как и всякий фанфик, книга написана гладко и при этом всегда неожиданно. Как всякий удачный фанфик, она исследует минимальные условия гениальности: как сейчас сотни миллионов читателей и кинозрителей узнают, почему мальчик со шрамом или невзрачная журналистка побеждают всех злодеев и все соблазны, так и тогда мудрейшие люди благодаря Шопенгауэру начинали понимать, как человек, будучи слабой игрушкой обстоятельств, может стать ценнее любой ценности.

Как и положено фанфику, который сначала оказывается отвергнут издателями, а потом обретает миллионы читателей, книга Шопенгауэра соединяет два жанровых принципа: страшной сказки и гламурного репортажа. Такая форма позволяет раскрывать одну мысль, не теряя в силе убеждения при всей чарующей откровенности и пугающей неотвратимости повествования.

Главные герои основной книги, Представление и Воля, много раз потом появлялись в литературе под разными псевдонимами. Таковы, прежде всего, соответственно, Аполлон и Дионис Фридриха Ницше (сначала пламенного последователя Шопенгауэра, потом столь же пламенного его разоблачителя), затем Дух и Жизнь Томаса Манна или, скажем, Нарцисс и Златоуст как герои одноименного романа (1930) Г. Гессе. Вообще, всякий раз, когда мы говорим о противопоставлении «рациональной личности» и «творческой личности», или, другими словами, «ума» и «сердца», «рацио» и «душевности» или «задушевности», мы выступаем наследниками Шопенгауэра; с тем от-

личием, что Воля философа весьма бессердечна и уж совсем не задушевна.

Слово «пессимизм», ключевое для книги, мы часто представляем в значении из известной эпиграммы проф. С.А. Муромцева, великого русского социолога и председателя Первой Думы:

Кто в сорок лет не пессимист,
А в пятьдесят не мизантроп,
Тот, может быть, и сердцем чист,
Но идиотом ляжет в гроб.

На самом деле, пессимизм Шопенгауэра — не столько разочарование в людях, сколько созерцание собственной ограниченности. Это пессимизм в отношении к бытию, а не к людям. «Пессимизм» противопоставлен «оптимизму» Лейбница: учению о том, что действительный мир всегда лучше возможного именно в силу его действительности и отсюда шанс исправить его к лучшему. Шопенгауэр на это заметил, что уже один факт неизлечимых болезней опрокидывает все рассуждения Лейбница: любые наши старания найти лекарства от бед оказываются слабы в сравнении с роковой логикой самих бед. Такой пессимизм много раз воспроизводился в романах: один из последних примеров — «The People in the Trees» (2013) Ханьи Янагихары или романы Исигуро. Но обо всем по порядку.

Шопенгауэр родился в вольном городе Гданьске в 1788 г. В 1793-м, когда при очередном разделе Польши Гданьск был оккупирован Пруссией и стал Данцигом, семья переехала в Гамбург, незыблемо хранивший все древние торговые привилегии. Его отец был крупным купцом, вольнодумцем-вольтерьянцем и англоманом, часто путешествующим по коммерческим делам в Англию и Францию. Отец дал мальчику имя Артур из простого соображения: на всех

языках это имя звучит примерно одинаково, а значит, сын быстрее станет гражданином мира. Артур в возрасте 10 лет обучался во Франции, а в возрасте 13 лет — в Уимблдоне под Лондоном.

После трагической гибели отца в 1805 г. (вероятно, он покончил с собой из-за неизлечимой болезни) сам Артур занялся делами конторы, отлаживая ее работу; а его мать Иоанна, весьма скоро промотавшая свою долю наследства, вынуждена была зарабатывать литературным трудом: она стала хозяйкой салона и модной писательницей. Ее романы и повести о путешествиях, довольно скучные для нынешнего читателя, но тогда расходившиеся на ура, замечательны только одним: в них речь постоянно идет о визитах, правилах визитов и правилах коммуникации — как именно судьба складывается из правильных или ошибочных разговоров. Это открытие Иоанны Шопенгауэр и легло в основу женской психологической прозы, вплоть до современной в диапазоне от Эльфриды Елинек до Анны Гавальда. Сын несколько раз рвался восстановить отношения с ней, предлагал свою помощь из доставшейся ему части наследства, но родственный разрыв был глубок; хотя знакомству с Гёте сын был обязан матери. Мать недоверчиво отнеслась к его занятиям философией, посмеявшись, что его диссертация «О четвероюм корне закона достаточного основания» должно быть по медицине или сельскому хозяйству (т.е. гнетущему лабораторному ремеслу), на что Артур ответил, что его диссертация на века переживет романы мадам Шопенгауэр. По стопам матери пошла сестра философа, Адель (Аделаида) Шопенгауэр, впрочем, материнской славы не сподобившаяся.

В 1809 г., получая уже регулярный доход с отцовского наследства, Артур поступил в университет, сначала Гёттингенский, где учился медицине, а после перешел в берлинский, только что открытый, где слушал Фихте и Шлейерма-

хера. Берлинский университет был заведением нового типа, в котором профессора не начитывали готовые курсы, воспроизводя профессиональный канон, а рассказывали студентам о своих новых открытиях, сразу завоевывая их для передовых научных исследований. Такая модель университета стала образцом для реформ образования по всему миру: и университеты Лиги Плюща, и Московский Университет равно скопировали берлинский опыт. Это было время создания новых типов образования по всему миру: педагогические и политехнические высшие школы во Франции, царскосельский Лицей в России, исследовательские университеты в Германии — всё это были заведения, вводившие учащихся не просто в профессию, а в современность; не просто передававшие знания, а учившие быть их создателями и распространителями, всякий раз щедро ими распорядившись, а не просто узко используя.

Шопенгауэру его учителя сразу не понравились: он вспоминал о красных руках Фихте, которыми тот размахивал (Фихте был сыном бочара, так что ремесленные руки нельзя было не заметить), и о том, как пастор Шлейермахер действовал как и положено пастору во время проповеди, усыпляя всю свою паству сложными словами и фразами. Особенно Шопенгауэра возмущали эллипсисы в их фразах, пропуски служебных слов, артиклей или предлогов: стоило ли громоздить фразу на полстраницы, чтобы выиграть грош, опустив придыхание *h* в слове, и сказав *Tat* (дело) вместо *That*? Еще больше Шопенгауэр невзлюбил «Феноменологию духа» Гегеля, считая, что этот философ завоевал внимание публики исключительно мечтательностью, основанной на многозначности слов, например, что слово «лучший» может означать и «более цельный» и «более развитый», и в результате концепция прогресса человечества выводится из распатывания собственного смысла слова. Сам Шопенгауэр, вполне в духе французских просветителей